

ЛИНА ЛИЧМАН

От судьбы
не уйдёшь.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ

18+

Лина Личман

Живой мертвец, или От судьбы не уйдёшь

<https://litres.ru/74038768>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она просто хотела разобраться. Но за правду всегда приходится платить.

Лейла оказывается втянута в цепочку событий, где случайностей не бывает, а каждое действие тянет за собой последствия. Один разговор, одна находка – и её жизнь превращается в опасную игру, из которой невозможно выйти без потерь.

Чужие тайны, криминальные схемы, ложь, предательство – и люди, которые готовы пойти на всё, чтобы правда не всплыла.

Но самое страшное – это не то, что происходит вокруг. Самое страшное – понять, что именно ты стала причиной того, что уже нельзя исправить.

Это история не о расследовании. Это история о вине, выборе и цене, которую приходится платить за правду.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Живой мертвец, или От судьбы не уйдёшь

Глава

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны.

Действие романа происходит в 20 13 году.

— От судьбы не уйдёшь, — так говорила моя бабуля.

Когда-то мне казалось, что она говорит об обречённости. Будто кто-то наверху уже написал нашу историю, а нам остаётся лишь дочитать её до конца.

Теперь я понимаю, что она имела в виду совсем другое. Каждый наш поступок имеет последствия. Каждый выбор меняет не только настоящее, но и будущее. Мы можем закрывать глаза, убеждать себя, что ничего страшного не произошло, что всё ещё можно исправить.

Но последствия не исчезают только потому, что мы не хотим их видеть. От них нельзя спрятаться. Нельзя договориться. Нельзя убежать.

От судьбы не уйдёшь.

Я шла вдоль могил, укрытых белым покрывалом. Несмот-

ря на конец февраля, когда обычно начинается оттепель, стояли мороз и снег. Если бы не кресты и памятники, выглядывающие из сугробов, словно наблюдающие за мной, можно было бы подумать, что идёшь по лесу. В этой части кладбища уже давно никого не хоронили, да и туристы здесь не шастали, поэтому этот участок погоста выглядел как старый заснеженный парк.

Ближе к выходу, где были похоронены знаменитости, всё выглядело иначе. Уже от входа тянулись палатки с цветами, венками и сувенирами. Народу здесь было пруд пруди, и павильонов, торгующих на территории кладбища, с каждым годом становилось всё больше. Это живым нужен повод дарить цветы. Покойникам они уже ни к чему — а их всё несут и несут, просто так, без всякого повода. На ум пришли слова из песни Трофима:

*Мы ценим других, читая некролог
У серой могильной плиты,
И топчем живых, мол, век наш недолог,
На всех не найдёшь доброты.
Мы наших врагов венчаем на царство
И ждём благодати с небес,
Там потом будет, не так, как здесь.*

Ныне покойная бабуля рассказывала мне про это кладбище кучу мистических историй, а одна из них даже приключилась со мной.

На девятый день после похорон родителей я с утра при-

шла на кладбище — помянуть их. Боль от утраты самых близких для меня людей оставила в моём сердце огромную ноющую рану. Я шла по кладбищу и ревела белугой — на душе было так тяжело, хоть ложись и помирай. Мне только-только исполнилось восемнадцать. С прежним детским восприятием жизни, привыкшая к постоянной опеке мамы и папы, я всё ещё была ребёнком. Осиротев, поняла, что осталась совсем одна в окружающем меня враждебном мире. И не знала, как жить дальше. Слёзы застилали глаза, а я всё шла и шла вперёд. И вдруг остановилась.

Передо мной была ограда, внутри которой стояло надгробие в виде плачущего ангела в мой рост. Я подошла ближе. По щеке его шла трещина, но издали это больше походило на дорожку от слёз. Не знаю, сколько я так простояла, глядя на херувима, словно зачарованная, но очнулась уже за воротами некрополя, ближе к семи вечера. Я не помнила, как туда попала. Ощущение было жуткое. Постояв и немного придя в себя, наплевала на сумерки и опять пошла на кладбище — потому как просто не могла не помянуть родителей на девятый день. К своему удивлению, памятника с крылатым созданием я больше не увидела, хотя шла той же дорогой.

Дойдя до могилы родителей, разложила принесённое угощение и присела рядом с памятником. Я жаловалась родным на горечь потери, непонимание своей дальнейшей жизни, одиночество. И даже не заметила, как стало совсем темно. Очнулась оттого, что меня окружила звенящая тишина.

Попрошавшись с родителями, спешно двинула к выходу — идти было довольно далеко. Где-то на середине пути я остановилась, потому что увидела впереди мерцание света. Сначала подумала — это фонарик, но, приблизившись, увидела, что свечение исходило от свежей могилы. Как я добежала до входа, помню смутно, а вот как скакала через могилы, словно сайгак по степи, запомнила надолго.

После того случая я дала себе зарок, что позже пяти вечера на погосте больше не останусь. Мир мёртвых посещается днём, ночью тревожить их покой не нужно. Кошмары потом будут мучить стопроцентно! Ну а свечение у свежей могилы значительно позже объяснил мне друг Жорка, когда я поведала ему сию историю. Он сказал, что это просто-напросто были трупные газы... но почему-то мне от этого объяснения легче не стало.

Боже, о чём я думаю? Что за воспоминания тревожат меня сегодня? Наверное, это потому, что давно не была здесь.

После смерти родителей я довольно быстро перебралась в Питер. Здесь меня ничего не держало, скорее отталкивало. Я стала ненавидеть Москву. За гибель родителей, за ту боль, которую пришлось перенести, за многолюдность и вечную суету. Поэтому приезжала сюда только затем, чтобы навестить могилу родных, да и то достаточно редко, потому что Питер с его спокойной и размеренной жизнью стал моим лекарством. Домом. Местом силы.

Я остановилась как вкопанная, сердце тревожно забилось

в ожидании беды.

Что со мной происходит? Прошло уже, кажется, шесть лет. Прежняя боль утихла. Кошмары перестали сниться, как только уехала из Москвы. Что же тогда на душе так муторно?

Я глубоко вздохнула и продолжила маршрут, успокаивая себя тем, что просто отвыкла от всякого рода переживаний. Моя теперешняя жизнь была пресна, как просвирка в церкви во время причастия. В ней не было места страстям и слезам. Моими вечными спутниками стали тишина и одиночество. Наверное, поэтому сейчас на меня так и давила атмосфера этого старого, но достаточно известного кладбища.

Уже подходя к надгробию родителей, я заметила какую-то странную публику. Толпа была разномастная — как по социальному статусу, так и по возрасту. Тут были и совсем молоденькие девушки, одетые не по погоде в короткие — хорошо, что хоть чёрные — мини. И женщины в довольно-таки преклонном возрасте (по крайней мере, я всегда считала шестьдесят–семьдесят лет преклонным возрастом), одетые весьма скромно и даже бедно. Горе последних, кстати, было искренним. Скорбь по утрате, написанная на их лицах, вызвала в моём сердце сочувствие и желание чем-то помочь. Но чем поможешь в таком горе?

Группа мужчин, стоящих рядом, ассоциировалась скорее с бандой, чем с людьми какой-то пристойной профессии. Дорогая одежда, настолько дорогая, что это бросалось в глаза. Какие-то кирпичные лица, явно не обременённые мыс-

лительным процессом, практически наголо обритые головы. Все мужчины были примерно одного роста и телосложения. Такие шкафообразные тела на коротких ножках, с руками-кувалдами. При взгляде на них создавалось ощущение, что они сами не знают, зачем сюда пришли — вроде как надо. А кому это надо и зачем? Наверное, если задать им этот вопрос, никто из них на него не сможет ответить. Видно было, что нахождение у этой могилы их тяготит. На лице у каждого читалось желание поскорее уйти отсюда.

Кого там всё-таки хоронят? И почему именно на Ваганьковском?

Этот участок кладбища закрыт для захоронений уже лет двадцать, а может, и все пятьдесят. Местечко, конечно, можно купить в колумбарии, не так давно возведённом на месте хозяйственных построек, — но цена будет астрономической.

Моим родителям участок, на котором они похоронены, достался от бабки — так сказать, в наследство. К моменту их погребения он уже был обнесён кованой оградой, со столиком и скамьёй из мрамора. Бабуля заранее обустроила свою будущую обитель вечного сна, хотела быть погребённой в известном месте, рядом со знаменитостями, к которым, как ей казалось, не зарастёт народная тропа.

Бабушка была каким-то там деятелем искусства, но прежде всего она была «бульдогом». Так папа любил шутить. Говорил, что если ей было что-то нужно, то она мёртвой хваткой вцеплялась в оппонента и душила его до тех пор,

пока не получала желаемое. Вот и этот участок был приобретён ею исключительно для собственной персоны.

В девяностые, когда началась перестройка, бабуля как-то подсуежилась и приватизировала — или что-то в этом роде — этот участок. Прямо как квартиру, ей-богу! А спустя два года она вышла замуж — опять же, по её утверждениям, благодаря Ваганьковскому.

До неё дошла людская молва о том, что якобы на этом самом кладбище покоится один святой, имя ему Валентин, и всякого, кто попросит его о помощи, он услышит. Она и попросила. Мужа ей захотелось заграничного и богатого, чтоб на старости лет мир посмотреть, да всласть пожить. Уж не знаю, правда то или нет, но за эмигранта бабка выскочила и укатила с ним в Мюнхен, где и скончалась, прожив всего три года — но каких.

После отъезда она поддерживала связь с мамой и всё звала в гости. Бабуля очень хвалила своего супруга и радовалась сытой и яркой жизни, рассказывала, как много они с мужем путешествуют и сколько стран успели повидать. После её смерти бабушкин супруг настоял на том, чтобы она была похоронена именно в Мюнхене. Родители так и не съездили туда, даже на похороны выбраться не смогли.

Ну вот, а этот самый участок на кладбище — вроде как по наследству, вместе с её четырёхкомнатной квартирой в высотке на Садовом кольце, — и достался моим родителям. Они, я помню, смеялись по поводу участка — мол, тоже сой-

дёт за дачу: дом, конечно, не возведёшь, а вот грядки вполне поместятся. Потом цены на места вдруг выросли в десятки раз — и родители решили продать участок, когда я буду выходить замуж, чтобы помочь, так сказать, молодой семье. А вышло всё иначе.

Я против воли, исподтишка, разглядывала собравшихся и по инерции стряхивала рукой в перчатке снег с памятника родителей. Чем меня так занимала эта похоронная процессия, я и сама не смогла бы себе объяснить — но не смотреть в ту сторону просто не получалось. Что-то в этом было такое, что не давало мне покоя. Как ребус, который ты уже почти разгадала, но в самом конце возникает загвоздка: не хватает какой-то детали. Так и здесь...

Я решила не думать о всякой ерунде. Присев у родительского надгробия, положила охапку красных гвоздик на плиту. Достала из сумки пакет со снедью, вынула гранатовый сок и наполнила им пластиковые стаканчики.

Так сложилось, что мои родители совсем не пили алкоголь. Я знаю, что принято стаканчики наполнять водкой, а поверх класть ломоть чёрного хлеба, но любому спиртному родители предпочитали гранатовый сок. Почему именно гранатовый? А Бог его знает — любили его и всё тут. Ну а про чёрный хлеб даже упоминать не вижу смысла. Просто в нашем доме он не водился. Нарезной батон – это хлеб моего детства. Я улыбнулась этой мысли и почувствовала, как закололи щёки. Сняла перчатку и провела рукой по своему

лицу. Слезы. Даже и не поняла, когда успела. Чтобы как-то отвлечься от тяжких мыслей, стала вынимать из пакета и класть рядом со стаканчиками любимые мамой и папой конфеты и печенье.

В детстве, наверное, в возрасте лет пяти-шести, я часто приставала к родителям с вопросом, почему печенье называется «Курабье». Это слово казалось мне само по себе вкусным. Я так и этак произносила его, как будто пробуя на вкус, смакуя.

Конфеты «Раковые шейки» вообще вводили меня в ступор. Ну ладно, раков я видела и даже ела варёных, когда с родителями ездила на дачу к их друзьям — дяде Мише и тётке Тоне. У них за домом, почти сразу, как только кончался участок, протекала река, и название у неё было такое смешное — «Патока». Так вот, именно там отец и дядя Миша ловили раков. С раками понятно, но при чём тут шейки? Я ни у одного из съеденных мной раков шеи так и не нашла. Позже, когда я мучила родителей этим вопросом, они всегда переглядывались и начинали хохотать. Да, счастливое было время. Я опять заплакала — не смогла сдержаться, вспомнив, как хорошо мне было ребёнком, под крылышком у обожаемых мной родителей.

Ноги затекли и стали замерзать — моя обувь оказалась непригодной для прогулок в мороз. В Питере как-никак погода теплее, да и передвигалась я там в основном на машине.

Я аккуратно встала и попыталась размять ноги. Вроде слышатся... Уже собираясь уходить, инстинктивно повернула голову в сторону заинтересовавшей меня могилы. Толпы как не бывало. Только утоптаный множеством ботинок и сапог снег у ограды могилы ещё напоминал о том, что совсем недавно здесь было многолюдно.

Теперь же двое мужчин, по-видимому работники кладбища, тихо и беззлобно переругиваясь, ставили венки на образовавшийся могильный холм. Наскоро покончив с ненавистным занятием, они, видимо, отправились помянуть усопшего — оставленной родственниками бутылкой горячительного.

Повернувшись к памятнику родителей, я обхватила его руками и мысленно попрощалась с ними до следующего приезда. После чего развернулась лицом к аллее и, уже открывая калитку ограды, вдруг посмотрела за деревья — метрах в десяти от заинтересовавшей меня ранее могилы. И в тот же момент поняла — зря. Потому как стала невольным свидетелем происходящего.

Моё внимание привлёк силуэт мужчины, который стоял за деревьями и смотрел как раз на ту самую могилу, куда минуту назад пялилась я сама. Переведя взгляд в ту же сторону, я вздрогнула.

На холме из замёрзшей земли и венков плашмя лежала женщина. Шапка съехала набок, и из-под неё на венки рассыпались длинные волосы цвета воронова крыла. Подол её

платья из чёрного превратился в грязно-коричневый. Низ длинной чёрной норковой шубы был мокрым и грязным, но её это, видимо, нисколько не заботило. Можно было бы подумать, что она не жива, если бы её плечи не вздрагивали время от времени. Было ясно, что мужчина наблюдает именно за ней, ведь кроме нас троих на этом участке кладбища никого не было. По спине прошёл холодок.

Мужчина, наверное, инстинктивно почувствовав чужой интерес, посмотрел в мою сторону. Когда наши взгляды встретились, по его лицу скользнула тень — будто он меня узнал. Или испугался, что я узнала его. Быстро развернувшись, он пошёл к выходу.

Не знаю, что за чёрт дёрнул меня в тот момент, но я побежала следом за ним. Стараясь не терять его из виду, продвигалась, прячась за деревьями, — на случай, если он вдруг обернётся. Сердце колотилось так сильно, что шум крови в ушах почти заглушал окружающие звуки. Страхи мои оказались напрасными. Незнакомец дошёл до ворот, так ни разу и не оглянувшись.

Пока я шла за ним, моя интуиция просто-таки кричала: «Остановись! Развернись! Пойди обратно к родителям, сядь на скамью, поплачь и уезжай в Питер! Забудь это утро. Забудь всё, что видела. Тебя это не касается!»

Но я упрямо продолжала идти следом, не желая слушать ничего и никого, кроме собственного сердца. Наверное, именно так люди и вляпываются в истории, после которых

вся жизнь делится на «до» и «после».

У ворот кладбища стояли несколько машин такси. Незнакомец быстро нырнул на заднее сиденье одной из них, даже не торгуясь с водителем о стоимости поездки, и машина тут же тронулась с места.

Я подбежала к одному из оставшихся такси и повторила его манёвр.

— Езжайте за той машиной, только не потеряйте её, — сказала я водителю, и голос мой при этом дрожал.

— Мужа, что ли, отслеживаешь? А почему с кладбища? — усмехнулся водитель, срываясь с места вслед за отъехавшей машиной.

Вот и отлично, подумала я, не придётся особо выдумывать, а вслух сказала то, что ожидал услышать водитель.

— Да, его родимого. Гуляку чёртова. Так мы вместе были, а потом ему типа с работы позвонили...

И сама скривилась от своего вранья — настолько неправдоподобным оно мне показалось. Но таксиста мой ответ вполне устроил. Вероятно, отслеживать неверных мужей для него обычное дело. Даже самой себе в тот момент я не могла ответить на вопросы: зачем и куда еду? Почему мне так нужно увидеть этого мужчину?

За своими мыслями даже не заметила, что машина уже остановилась.

— Вон он, голубчик, в гостиницу побежал, любовница, наверное, его заждалась, — хохотнул водитель.

Я отшатнулась от его слов, как от удара, и постепенно начала возвращаться в реальность. Таксист назвал сумму — она оказалась вполне сносной. Подав ему деньги и выйдя из машины, я посмотрела на гостиницу. Меня прошиб холодный пот. Это была именно та гостиница, где я всегда останавливаюсь, приезжая в Москву. И на этот раз у меня тоже был забронирован номер именно тут — в «Мурене».

На ватных ногах я шла ко входу. В голове стучала только одна мысль: «Ох, неспроста это всё... ох, неспроста».

Добравшись до стойки администратора, я попросила ключ и стала блять что-то невразумительное про только что вошедшего мужчину. Администратор, наверное, решила, что незнакомец мне понравился, потому как, пододвинувшись ко мне, шёпотом и по большому секрету сообщила, что его номер находится через стенку от моего.

От услышанного у меня закружилась голова и стало слегка подташнивать. Через силу улыбнувшись и поблагодарив её, я поплелась в свой номер. Закрыв за собой дверь, рухнула на кровать не раздеваясь. Силы меня покинули. Кое-как стащив с себя куртку, я моментально провалилась в сон.

Я опять была на погосте.

Шла вдоль захоронений, пытаюсь найти ту, с которой всё началось. На улице были уже сумерки, и снег валил не останавливаясь. Мне казалось, что брожу по кладбищу уже несколько часов. Кисти рук под перчатками превратились в две ледышки, ноги почти не слушались, а своё лицо я

перестала чувствовать ещё полчаса назад. Но продолжала бродить, как окоченевший труп, в надежде, что всё-таки удастся отыскать эту чёртову могилу.

Аллеи как будто нарочно путали меня, и я уже в четвёртый раз возвращалась к тому же месту — к надгробию в виде монахини, преклонившей голову к кресту. Заплакав от бессилия, пошла к выходу — во всяком случае, мне так казалось. И вот тут-то я увидела новый деревянный крест и холмик рядом с ним. Снег почему-то засыпал всё, но на свежей могиле не было ни снежинки.

Я зашла в ограду и стала, как ненормальная, скидывать с холма многочисленные венки, желая найти портрет усопшего. Почему-то я даже не сомневалась, что это должен оказаться портрет мужчины. И когда на холмике оставался всего один венок, увидела торчащий из-под него угол рамки. Отбросив последний венок, взяла рамку в руки и повернула изображением к себе. Мой взгляд упал на лицо мужчины — и я заорала от ужаса. На меня смотрели совершенно пустые глазницы.

Ноги подкосились, и я начала падать в разрытую могилу рядом со свежим захоронением. Сопrotивляясь изо всех сил, я пыталась хвататься хоть за что-то. Цепляясь за края ямы, лишь отламывала обледеневшие комья земли, крошившиеся прямо в моих руках. Не оставляя попыток выбраться, я наконец-то смогла обхватить пальцами какую-то палку и, упёршись ногами в края ямы, стала под-

тягиваться на поверхность. Когда голова оказалась выше уровня земли, я посмотрела на то, за что держалась руками, и не смогла сдержать вопль...

Крест. Я уже знала, что увижу. Это был деревянный крест с моим портретом на нём...

Я проснулась, всё ещё крича. Взгляд заметался по комнате. Убедившись, что я не в могиле, а в номере, кричать перестала. Сердце трепыхалось, как птица, загнанная в клеть; лицо было мокрым от слёз, а одежда — влажной и липкой от пота. Такой кошмар, даже врагу не пожелаешь.

Я села на кровати и постаралась взять себя в руки — получалось плохо. Меня бил озноб. Сбросив одежду, я прошмыгнула в ванную и, встав под душ, попыталась согреться и расслабиться. Зубы выбивали дробь, и чувство страха не проходило. Постепенно я всё-таки смогла успокоиться.

Выйдя из душа, закуталась в халат, а на голове соорудила тюрбан из полотенца. Оказавшись в комнате, машинально взглянула на часы — было половина четвёртого утра.

— Ну, мать, ты и дала стране угля. Проспала двенадцать часов — немудрено, что кошмары всякие снятся, — пробормотала я вслух.

Хотя, этот сон подкинул мне идею: завтра поеду — точнее, уже сегодня — на кладбище и взгляну на портрет. Почему-то теперь у меня появилась уверенность, что сделать это нужно в первую очередь. А пока хотелось бы где-то кофе раздобыть. Но где его взять — все нормальные люди ещё

спят, а из ненормальных в этой гостинице, похоже, я одна.

Прихватив сигареты с зажигалкой и закутавшись поплотнее в махровый халат, я двинула на лоджию. Каково же было моё изумление, когда там обнаружился мой незнакомец.

Наши балконы разделяла кованая перегородка, сделанная скорее для красоты, чем для своей основной функции. Я подошла к нему ближе и, закулив, поздоровалась. Мужчина обернулся и стал придирчиво меня рассматривать, как будто пытался понять, кто я. Или вспомнить. Решив не отставать от своего соседа, тоже задержала на нём взгляд.

Он был хорош. Красив той спокойной, отлаженной красотой, какая даром не достаётся, — за неё где-то когда-то заплачено. Ему было около сорока, может, чуть моложе. Виски слегка тронуты сединой. Синие глаза — я разглядела даже в полумраке, потому что он смотрел в упор, не отводя, как смотрят люди, привыкшие первыми не моргать. На балконе горел тусклый жёлтый свет, и незнакомца я могла рассмотреть во всех подробностях. Орлиный нос — породистый, с лёгкой горбинкой. Тело — загорелое и поджарое. Он стоял на балконе в майке и шортах — и это в пятнадцатиградусный мороз. Но его это, видимо, нисколько не смущало — мужчина даже не ёжилась, будто холод его попросту не касался. И почему-то именно это — не лицо, не плечи, а вот это нечеловеческое равнодушие к морозу — кольнуло меня первым тревожным звоночком. Который я, разумеется, тут же и проигнорировала. Он стоял, распрямив плечи и чуть

склонив голову набок.

Наверное, именно таких мачо описывают в любовных романах. Подобным чтивом я не увлекалась, но фантазия у меня есть — и понять, что на такой типаж дамы всех возрастов активно пускают слюни, нетрудно.

Да, за одну ночь с таким можно и душу дьяволу продать... Хотя кому она нужна, моя душа. За шесть лет в Питере я так наловчилась жить одна, что разучилась хотеть хоть чего-нибудь сильнее, чем второй эспрессо. А тут — захотелось. Резко, стыдно, до зуда под кожей. Как пить дать, к беде.

Стоило в голове промелькнуть этой непристойной мысли, как я тут же поперхнулась дымом и закашлялась. Чего там другие — я сама на него в данный момент пускала слюни, правда мысленно.

— Насмотрелась? — усмехнулся он, не отводя взгляда.

— А вы? — нагло поинтересовалась я.

— Дерзишь? Уже, неплохо, — сказал мужчина вроде бы сам себе, продолжая меня рассматривать.

— А вы почему мне тыкаете? Мы же с вами на брудершафт ещё не пили, — напропалую флиртowała я. Ну, или по крайней мере пыталась.

Так как раньше никого охмурять мне не доводилось, и в роли соблазнительницы я чувствовала себя довольно нелепо.

— Потому что ты мне в дочери годишься. А на брудершафт я с тобой пить не стану — потому что жизнь тебе портить не хочу. Она у тебя ещё вся впереди. Да и педофилией,

знаешь ли, не страдаю. А ты, по моим меркам, совсем ещё ребёнок.

На секунду — всего на секунду — его лицо изменилось. Даже не выражение лица, а что-то глубже. Будто под красивой, спокойной маской Игоря вдруг проступил другой человек. Жёсткий. Опасный. С ровным холодом в глазах человека, привыкшего всё просчитывать наперёд.

Этот холод я почувствовала буквально кожей — интуиция у меня всегда работала отлично. Но именно сегодня мне отчаянно не хотелось её слушать.

Она вопила где-то внутри, почти срываясь на крик: «Уходи! Сейчас же уходи в номер, запри дверь и не открывай, что бы ни случилось!»

А я сделала ровно наоборот. Потому что мне хотелось остаться. Потому что меня тянуло к нему так сильно, что становилось страшно. И потому что, наверное, в тот момент я уже всё решила — просто сама ещё этого не понимала.

— Зря вы так, — обиделась я. — Мне, между прочим, уже двадцать четыре года. Я вполне самостоятельная и сформировавшаяся личность.

— Не уже, а только двадцать четыре. Выглядишь ты, честно говоря, значительно моложе, но сути это не меняет, — грустно сказал он и отвернулся, будто поставил в разговоре точку.

Я затушила окурок и бросила его в пепельницу. Фыркнув, повернулась и двинула в свой номер, с мыслью: «Мы ещё

посмотрим, кто кого». Зайдя внутрь, я тут же развернулась обратно — в мою голову пришла идея. Натянув на лицо самую сладкую улыбку, я опять вышла на балкон.

— А у вас кофе случайно нет? — жалобно спросила я и робко улыбнулась.

— Случайно есть! — улыбнулся в ответ мой собеседник.

— Меня, кстати, Лейла зовут. Это значит «ночь», — быстро пробормотала я, воодушевлённая его улыбкой.

— А меня Игорь. Чёрт его знает, что это означает, — сказал он и расхохотался. — Ну, пошли уж, раз вернулась. Напою тебя кофе, куда деваться.

Мужчина взял меня за руки, пытаясь помочь преодолеть кованое препятствие, а меня словно прошиб разряд. Руки мы отдёрнули одновременно. И на секунду замерли, глядя друг на друга. Как выяснилось, Игоряшибануло тоже.

— Наверное, это от хождения по ковролину. Так бывает, когда одежда наэлектризовывается, — улыбаясь пояснил он.

Но у меня на этот счёт возникла своя теория, которую я ему раскрывать не стала.

— Ну что, попробуем со второй попытки или через холл лучше пройдёшь?

— Со второй, — не задумываясь, проговорила я.

Мой сосед лишь хмыкнул. На этот раз он, взяв меня под мышки и прижав к себе, без всяких эксцессов помог преодолеть кованое ограждение, разделяющее наши балконы. Оказавшись на его территории, я вместо того, чтобы отстранить-

ся, обхватила его за шею и прижалась ещё плотнее, с наслаждением вдохнув аромат его тела, смешанный с запахом виски, табака и дорогого парфюма. Голова закружилась.

Первый раз в своей жизни я встретила мужчину, в котором хотелось раствориться. Я бы осталась в таком положении навсегда. Но, хочешь не хочешь, а оторваться пришлось — потому что я уловила, как на мгновение он задержал дыхание и напрягся. А затем услышала насмешливый голос:

— Мне кажется или ты пытаешься меня соблазнить?!

— Наверное, пытаюсь, — пробормотала я вслух. А сама смотрела в его бездонные глаза, повторяя про себя, как заклинание: «Поцелуй меня... поцелуй».

Взгляд Игоря был затуманен. Видимо, почувствовав мой призыв, он потянулся к моим губам. Потом вдруг резко отстранился, встряхнул головой и прошёл с балкона в комнату. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Облом, как говорится... Но ничего, я упёртая, тем более что почти сработало.

Войдя в его номер, я огляделась. Вроде такой же, как мой, но совершенно другой.

Здесь было много личных вещей: книга, лежащая на тумбочке у изголовья кровати; карты какой-то местности, разложенные на журнальном столике рядом с бутылкой виски и наполовину пустым стаканом; чайник, возле которого стояли заварка, кофе и сахар. Неподалёку находилась затейливая чашечка с блюдцем. Выполнена она была в виде цветка кув-

шинки, на котором сидела стрекоза. Блюдце дополняло композицию и выглядело как широкий зелёный лист кувшинки. Искусно, ничего не скажешь.

Не находишь она так близко, я бы приняла эту кофейную пару за живой цветок. Сразу вспомнила свой номер — он был каким-то безликим по сравнению с соседским. Усевшись на кровать, я сбросила тапочки и подогнула под себя ноги. Сделала это не задумываясь — что-то на уровне подсознания сработало.

— Территорию столбишь? — Игорь усмехнулся.

Я охнула и, извинившись, переместилась в кресло, предварительно запахнув потуже халат. Идти сейчас переодеться было как-то неудобно — сама ведь на кофе напросилась.

Мой сосед налил в чайник воды из огромной бутылки и включил его. Пока вода в чайнике грелась, Игорь смотрел на меня и хмурился. Удивительно, как быстро у него меняется настроение. Такое ощущение, что он смотрел сквозь меня. Что за мысли тебя терзают?

И тут он сам ответил на незаданный мной вопрос. По-своему.

— Лейла, мы виделись с тобой ранее?

— Вряд ли. Я в этом городе всего второй день, а вообще обосновалась в Питере.

«Конечно, виделись. Сегодня как раз и состоялась наша встреча, после которой я умудрилась стать твоим столк-

ром», — мысленно усмехнулась я и, решив увести разговор в сторону, начала рассказывать про свой жильё:

— Я живу в красивом трёхэтажном доме на набережной реки Мойки, под номером восемнадцать.

Наш дом всего на три подъезда, я живу в первом. На каждом этаже по две квартиры, и обитают там в основном жильцы, въехавшие в этот дом лет сорок-пятьдесят назад. Обитатели моего подъезда делятся на две категории: деятели искусства и потомственные лекари.

Вячеслав Леонидович с первого этажа всю свою жизнь проработал в Мариинском театре режиссёром-постановщиком. А его соседка по площадке Людмила Николаевна с мужем Дмитрием Фёдоровичем — врачи-онкологи, стипендиаты какой-то там премии. Их дети пошли по стопам родителей, только вот в России оставаться не захотели, решив, что в США у них больше шансов показать своё умение и набраться недостающего опыта. Да и зарплаты с оборудованием там не в пример отечественным.

На втором этаже проживает Августа Аристарховна, с чьей лёгкой руки я и приобрела свою квартиру. Весьма любопытная бабуля, надо заметить. Она несколько десятилетий трудилась в Александринском театре гримёром. Но, по моему личному мнению, театр потерял в её лице великую актрису. Иногда мне кажется, что она проживает несколько жизней одновременно. Стиль одежды, причёска, манера речи и даже походка — всё это меняется в зависимости от её миро-

ощущения на конкретный день. Я никогда не знаю, кем она проснётся завтра.

Рядом с ней обитает вдовец, Сергей Захарович. Он до сих пор работает патологоанатомом, а также преподаёт в институте. Его жена при жизни была хирургом от Бога — к ней, говорят, из всех городов России ехали.

Моими соседями по площадке являются Александр Васильевич — кардиохирург и его жена Мария Александровна — в прошлом детский врач. Вместе они чета Золотовых. А ещё с ними уже много лет проживает их дальняя родственница Агафья из глухой таёжной деревни. Милейшая женщина. Последние два года супруги почти круглогодично обитают на даче, а она присматривает за квартирой... Хм... Всё никак не привыкну и говорю о Золотовых в настоящем, — я грустно улыбнулась. — На самом деле их уже два года как нет... В остальном всё правильно... Ну и моя квартира... она в прошлом принадлежала балерине Татьяне Геннадьевне Тереховой — сейчас она переехала к сыну на ПМЖ в город Оттава, столицу Канады.

Ну а Москву я совсем не люблю, хоть и родом отсюда. Она шумная и грязная, да и люди тут, не сказать чтобы вежливые, — с грустью заметила я, невольно поморщившись.

— Ты случайно не экскурсоводом работаешь?

Мне стало стыдно — выходило, что на обычный вопрос я ответила целой лекцией. Наверное, это от волнения: врать я не люблю, а говорить ему правду мне не хотелось, потому

что бежать без оглядки за незнакомым мужиком, да ещё и с кладбища — такое себе приключение.

— Извините, я просто очень люблю Питер и, наверное, всем пытаюсь привить свою любовь, — я улыбнулась, пытаюсь скрыть смущение.

Он задумчиво посмотрел на меня, видимо, всё ещё вспоминая, где мог меня видеть, потом улыбнулся в ответ.

— Любовь — она либо есть, либо её нет. Нельзя заставить любить. А люди везде одинаковые — как в Питере, так и в Москве. Да и вообще в любом крупном городе. Плохие люди есть везде — просто где-то их больше, где-то меньше. А Москва... она, знаешь, засасывает, как зыбучие пески. Сначала тебе кажется, что в любой момент ты сможешь выбраться, а не успел оглянуться — уже завяз по самую шею. И обратной дороги нет. И никогда уже не будет... А твой Питер — это вода. Вода не держит — она несёт. Я бы, наверное, всю жизнь на воде прожил. Мне бы корабль да подальше отсюда — туда, где меня никто не достанет.

Игорь говорил это с такой горечью, как о какой-то трагедии, лежащей на его плечах тяжким грузом, который, как ни старайся, сбросить не удастся. Лицо его сделалось серым, а глаза смотрели, как будто внутрь себя. Я поёжилась. Что же такое тебе пришлось пережить, что это так на тебя давит?

Передо мной стоял взрослый, сильный, уверенный в себе мужчина — а моё сердце разрывалось от жалости к нему. Безумно хотелось обнять его и сказать, что всё будет хорошо,

но я сдержалась... не стала этого делать, чтобы не смутить его своим порывом.

За разговорами мы не заметили, как закипел чайник. Он посетовал, что кружка только одна, потом вдруг резко развернувшись, вышел из номера.

Что за выкрутасы? А мне сейчас куда деваться? Куда этот экземпляр двинул, ни слова не сказав? Я сидела как громом поражённая, не понимая, что делать: то ли в номер свой уйти, то ли его дожидаться. Через несколько минут, дверь открылась, и мужчина возник на пороге. Улыбаясь, Игорь продемонстрировал свой трофей.

«Ладно, то что свинтил без объяснения опустим... Вернулся же, да ещё и с тарой. Где это можно в пять утра разжиться чашечкой, интересно знать?» — мысленно хмыкнула я.

Сосед занялся приготовлением бодрящего напитка, мне же довелось лицезреть только его могучую спину. А может попробовать его соблазнить? А что? Головокружительная ночь в его объятьях, была бы наградой за многолетнее ожидание принца на белом коне. Хотя нет, — с грустью подумала я — он же на возрасте заиклен. Жаль...

Я взяла в руки чашку и только тогда осознала, что успела продрогнуть. Игорь, наверное, почувствовав моё состояние, укрыл мои ноги своей толстовкой. Я с благодарностью улыбнулась ему.

Разговор плавно перетек в воспоминания о детстве. Под

тихий рассказ своего соседа, я стала клевать носом, а потом и вовсе провалилась в сон. То ли кофе оказался так себе, то ли мой организм был настолько уставшим, что ничем его было не взбодрить.

— Где ключ от номера? — услышала я сквозь сон голос Игоря.

— В кармане халата, — промямлила в ответ и почувствовала, как мужчина подхватил меня на руки.

Замурлыкав от удовольствия, я теснее прижалась к нему. Потом ощущения и чувства сменяли друг друга, словно стёклышки в калейдоскопе. Вот я уже на постели в своём номере. Вот с меня стягивают халат. Вот по телу скользит рука — и я в полудрёме ощущаю лёгкое, но обжигающее прикосновение, от которого по коже пробегает дрожь. Слышу протяжный — то ли вздох, то ли стон — и на меня опускается одеяло. Чьи-то тёплые пальцы осторожно касаются волос. Потом — поцелуй в висок. И совсем рядом:

— Сладких снов, малыш.

Проснувшись, я вспомнила ощущения вчерашней ночи — и щёки мои запылали. Может мне всё это приснилось? Я подняла одеяло и заглянула под него. Выходит, не приснилось.

— Ммм... Вот ведь зараза. Мог и не останавливаться, между прочим. Чего затормозил-то в самый интересный момент? Ну всё. Теперь весь день буду вспоминать его руки и вести себя как полная идиотка.

Потянувшись, взглянула на часы — одиннадцать тридцать.

цать. Я вскочила с постели как ошпаренная и кинулась в душ.

Всё нужно доводить до конца — так папа всегда говорил.

Умывшись и одевшись, отправилась ловить такси.

До кладбища доехали достаточно быстро. Расплатившись с таксистом и выйдя из машины, в который раз пожалела о своей беспечности. С моей одеждой, да и обувью тоже, особо не погуляешь. Если, конечно, нет желания превратиться в миленький такой ходячий по кладбищу трупик. Брр... Что за дурацкие мысли лезут в голову?

Взяв разбег, я, как горная лань, понеслась по аллеям в сторону нужной мне могилы. Дойдя до ограды, никак не могла решиться её открыть. На меня как будто морок напал. Сердце колотилось как ненормальное, во рту пересохло, а руки тряслись, как у алкоголика без денег на опохмелку. Приказав себе не трусить, я наконец-то смогла открыть калитку.

«В конце концов, что я там такого страшного могу увидеть? Подумаешь — на фото человека посмотрю. Не оборотень же здесь, в самом деле, похоронен?» — подумав так, я вопреки здравому смыслу чуть не дала стрекача в сторону ворот. Слава Богу, хватило ума закрыть глаза и несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть — это немного вернуло мне спокойствие. Подойдя к могильному холмику, я остановилась в растерянности. Фотография отсутствовала. Вспомнив сон, начала осторожно приподнимать венки. Руки дрожали так сильно, будто я не цветы ворошила, а лезла в чью-

то разрытую могилу. Сама же тряслась, как заяц, почуявший неподалёку хищника.

Под последним венком обнаружилась рамка. Она лежала на земле изображением вниз. Подняв её, я против воли попыталась за ограду. И только там решилась взглянуть на фотографию.

Рассудок словно начал медленно меня покидать. Мир качнулся, поплыл перед глазами и завертелся с какой-то болезненной, бешеной скоростью. Я не успела понять, как оказалась на коленях, а затем рухнула прямо в снег, даже не почувствовав холода.

Не знаю, сколько пролежала без сознания, но, открыв глаза, поняла, что тело уже начало коченеть. Пальцы почти не слушались, зубы выбивали мелкую дробь. Призывая на помощь всех святых, я медленно поднялась. И тут взгляд снова скользнул по фотографии. Мой рот открылся и закрывался, не издавая ни звука. На снимке был Игорь. Какого дьявола?..

Я стояла с рамкой в руках и вдруг с пугающей ясностью поняла: меня только что аккуратно, как монету в ладонь, опустили в чужую жизнь. И вытащить эту монету обратно уже не получится. Не потому, что кто-то удерживает её силой — а потому что я сама сжала её в кулаке.

Любой нормальный человек на моём месте оставил бы фотографию там, где нашёл. Сел бы в такси, доехал до вокзала, купил билет на ближайший поезд и больше никогда не вспоминал ни про Ваганьковское, ни про то что там было

увидено. Любой. А я положила рамку обратно так бережно, будто это была моя могила. Мой покойник. Моя тайна. А когда уходила — оглянулась. И уже тогда знала наверняка, что ещё вернусь.

Решив всё хорошенько обдумать позже, когда смогу хоть немного согреться, я осторожно поковыляла к выходу. Ноги замёрзли и почти не слушались. Так, чего доброго, и воспаление лёгких подхватить недолго. Нужно срочно согреться.

Выйдя за ворота кладбища и сев в стоявшее неподалёку такси, я почувствовала себя самым счастливым человеком на свете. В машине было тепло — а это именно то, что мне сейчас было больше всего нужно.

— Ну и долго будем молчать? Куда ехать-то? — спросил шофер, и я вздрогнула.

— Кстати, у вас куртка и джинсы в снегу, а вы в машину залезли, не отряхнувшись... мне же потом эти сиденья чистить и сушить, — недовольно пробурчал он.

— Извините... на кладбище упала. Замёрзла очень, поэтому и соображаю плохо.

Я назвала адрес «Мурены», и мы плавно тронулись.

Пока ехали, я успела согреться, поэтому, не доезжая до гостиницы метров пятьсот, попросила высадить меня у кафе. Отсчитывая деньги таксисту, дала немного больше, чем было им озвучено. По-видимому, он остался доволен, раз протянул свою визитку — точнее, это было что-то вроде рекламки с номером телефона — предложил звонить, если вдруг взду-

маю куда отправиться. Поблагодарив, я вышла из машины и зашла в кафе.

Перед разговором с мужчиной моих девичьих грёз, стоило всё обдумать и немного успокоиться. Кафе оказалось очень уютным: приглушённый свет, тихая музыка и очень удобные кресла, которые, как будто обволакивали севшего в них. Я попросила у официанта капучино с корицей и круассан, а сама призадумалась.

Как спросить у Игоря, почему его портрет оказался на свежей могиле? Почему он прятался за деревом, когда женщина рыдала на всё той же могиле? Кто эта женщина? Жена? Или нет? А дети есть? Да, вопросы — это хорошо, но как я смогу объяснить свою осведомлённость? Рассказать правду? А поверит ли он мне, после всего этого? Мда... Столько вопросов — ни одного ответа.

Подкрепившись и согревшись, я окончательно успокоилась. Теперь я была готова к разговору. Расплатившись по счёту и одевшись, направилась в сторону гостиницы, на ходу прокручивая в голове предстоящую беседу.

Просто расскажу ему всё с самого начала. А потом задам интересующие меня вопросы. Вот и всё. Решение оказалось проще, чем казалось.

Уже подходя ко входу, заметила две полицейские машины. Тьфу ты, Господи... Кто вообще придумал переименовывать милицию? Ну, какие из них полицейские? Сменили название, переодели — и что? Ничего ведь по сути не поме-

нялось... Люди-то остались прежними. Раньше хоть понятно было, кто бандит, а кто — власть. Теперь и разницы не найдёшь. Только сейчас у них появились корочки, погоны — и право решать чужие судьбы. Да ещё и это новое название, которое режет слух.

Я посмотрела на мужчин, облачённых в синюю форму. Лица уставшие, злые. Не от работы — от жизни. Или от того, во что сами себя превратили. Зачем таким справедливость? Им бы поскорее найти козла отпущения и закрыть дело. Что за мысли лезут мне в голову? Сдались мне они... Сейчас надо думать о другом.

Я спокойно прошла мимо, взяла у администратора ключ от номера и только тогда заметила переполох, царящий в гостинице. Людей, собравшихся в холле, было чересчур много и все что-то обсуждали. Не обращая на них внимания, я прошла к лифту и поднялась на свой этаж. Когда двери открылись, меня вдруг накрыла тревога — сердце забилось быстрее, в ожидании беды.

Хорошо, что сегодня ночью у меня поезд, а утром я уже буду дома. Приму ванну, заварю вкусного цветочного чая, лягу на свой огромный мягкий диван, завернусь в любимый плед и почитаю что-нибудь про любовь — чистую и светлую. Всё. Решено. Значит, так тому и быть. А пока нужно закончить то, что собиралась сделать. С этими мыслями я шла к своему номеру, но на пороге соседнего остановилась как вкопанная. Дверь была приоткрыта. Внутри ходили люди в фор-

ме. А на полу лежало что-то, накрытое белой простынёй. Почему моё внимание привлекла именно она? Потому, что на одном её краю расплзлось багровое пятно. Ко мне подошёл сотрудник полиции и стал что-то говорить. Я слушала его, но смысл сказанного не могла уловить... Комната завертелась — и я провалилась в черноту.

Возвращение в реальность было не из приятных. Перед глазами всё плыло.

— Как вы себя чувствуете? — раздался голос откуда-то сбоку.

Я попыталась повернуться, но меня замутило.

— Не особо... — прошептала с трудом разлепив губы.

— Вы случаем не беременны? — снова спросил этот голос.

На этот раз я смогла лицезреть перед собой человека в белом халате. Я помотала головой — в знак отрицания — и, попытавшись встать, застонала от головной боли и тошноты.

«Может я башкой успела стукнуться, когда на кладбище свалилась»? — подумала я, потирая макушку. — «Хотя с таким же успехом могла и здесь приложиться».

Собрав все силы, я повторила попытку — и на этот раз подняться мне удалось.

— У меня такое бывает. Сердце, — пробормотала я, чтобы врач — или кто он там — от меня отстал. Сейчас у меня было только одно желание — узнать, что с Игорем.

— Понятно. Сейчас лучше?

— Да. Кто это? — указала я подбородком на простыню, накрывавшую чей-то труп.

— Видимо, гость постояльца этого номера, — добродушно ответил доктор.

При этих словах человек в форме, повернувшись к нам вполоборота, шикнул на моего спасителя. Видимо, это должно было означать его крайнюю степень неудовольствия.

— Давайте я помогу добраться вам до номера? — улыбуясь, предложил мне молоденький медик.

Я с радостью согласилась — мне очень хотелось поскорее отсюда смыться. Тем более что идти, далеко не пришлось.

— Так получается, что это ваш сосед дружка своего уколошил? — хохотнув, сказал сопровождавший меня мужчина.

— Почему это сразу сосед? — опешила я.

— Потому, что смылся он. А если не виноват — так чего убегать? Правильно? — почесав макушку, поинтересовался врач.

— Логично, — проямлила в ответ.

Я начала снимать куртку, намекая тем самым, что кому-то пора отчаливать. Мужчина ещё немного постоял, глядя на мои манипуляции с одеждой, затем попрощавшись, вышел. Я же в изнеможении рухнула на постель, стараясь не вспоминать об Игоре. Часы показывали шесть вечера, а в начале двенадцатого ночи у меня поезд.

«Надо отдохнуть, а потом собираться»: это было послед-

нее, о чём я успела подумать, проваливаясь в сон.

Проснувшись, резко села в постели и посмотрела на часы. Времени, было: начало двенадцатого.

Чёрт, чуть не проспала поезд. Я заметалась по номеру, подхватывая и засовывая в сумку вещи, даже не пытаюсь их сложить. Попутно пыталась дозвониться по карточке, оставленной мне таксистом. Хвала небесам, что ответил, иначе бы целовала отъезжающий состав.

— Мне нужно на вокзал, но я очень опаздываю, у меня «Красная Стрела» в двадцать три пятьдесят пять. Вы мне дали свою визитку, когда подвозили с кладбища, — зачастила я в трубку.

— Да понял я кто это. По голосу узнал. А на Ленинградский мы успеем, если вы минут через семь будете у входа. Я тут неподалёку и клиенты уже выходят из машины. Так что до встречи, — спокойно сказал он и повесил трубку.

Натянув на себя куртку, быстро осмотрела комнату — вроде всё. Бежала к лифту с мыслями о том, что вся надежда на администратора: если номер примут быстро, то уложусь в срок. Остаться в этом проклятом городе ещё хотя бы на день не было никакого желания.

Оказавшись у стойки, объяснила администратору суть проблемы и попросила посодействовать. Девушка с вежливой улыбкой заверила, что всё будет в лучшем виде — и не соврала. Уже через пять минут я выходила из гостиницы. Авто подъехало как раз в тот момент, когда я, спустившись

со ступенек, прикуривала сигарету.

Открыв дверь такси, я села на переднее сиденье.

— Ты, сигаретку-то выбрось, у меня в машине курить нельзя! — строго сказал водитель.

— Извините, я про неё забыла, — пробормотала я и, опустив стекло, выбросила окурочок.

На поезд я действительно успела, чему была несказанно рада.

Расположившись на мягком диване в вагоне СВ, я прикрыла глаза и вернулась к мыслям об Игоре. Я ведь почти его не знаю... Перекинулись парой фраз, выпили кофе — и всё. Тогда почему я так уверена, что это не он? Интуиция? Или желание отрицать очевидное? И всё же... не мог человек с таким взглядом, с такой тяжестью за плечами быть убийцей. Что-то у него случилось. Серьёзное. И исчез он именно из-за этого... Я ведь сама это видела — там, на кладбище. Он не выглядел как человек, который что-то замышляет. Скорее... как тот, кто уже не знает, куда бежать. Возможно, всё это как-то связано с полицией... По-другому просто не может быть. Не верю...

Проводник принёс чай, тем самым оторвав меня от невесёлых дум. Мои надежды на то, что я поеду одна, не оправдались. Моим попутчиком оказался парень, примерно моего возраста. Наверное, он считал своим долгом развлекать меня — а иначе зачем доставать девушку два часа подряд весьма сомнительными комплиментами и тупыми шуточка-

ми. Устав, в конце концов, от его болтовни, я отправилась в вагон-ресторан.

Аппетита не было. Я вяло ковыряла вилкой салат, находясь мыслями далеко отсюда.

Я приезжаю в Москву каждый год... но почему Игоря встретила только сейчас? Как бы сложилась наша история, познакомься мы в прошлом году? Хотя... с учётом того, откуда растут «ноги» нашего знакомства, похоронить ему себя пришлось бы на год раньше. С другой стороны — если наша встреча предначертана судьбой, то она бы состоялась в любом случае, независимо от времени и места... А если продолжить развивать эту версию, то рано или поздно я снова смогу созерцать его красивую мордашку... и не только мордашку.

Завязнув в собственных фантазиях, не сразу услышала, что ко мне обращаются. Подняв глаза, обнаружила, что за моим столиком сидит товарищ быдловатой наружности. Блин, не было печали называется...

— Что вы сказали?

— Чё грустишь, говорю, красавица?

— Я не грущу, я думаю! А что столиков свободных нет?

— Чё-то я не понял. Я что, тебе мешаю? А может, не нравлюсь? — ухмыльнулся детина.

— Так вы не деньги, чтобы всем нравиться. Но мне если честно хотелось бы одной посидеть, — пытаюсь скрыть злость, проговорила я.

— Ах ты шмара... Я что ж это, рожей для тебя не вышел, что ли? — прорычал «ухажёр», краснея, как помидор.

— Слушайте, мужчина, девушек полпоезда едет — зачем вы ко мне подсели? Да ещё и оскорбляете. Я вам, между прочим, ни одного плохого слова не сказала, — начала закипать я.

— Да сдалась ты мне триста лет... — проворчал хам, вставая.

— Вот и славно. Доброй ночи.

— Да пошла, ты со своей ночью знаешь куда?

Решив не обращать внимания на дебошира, я проигнорировала его слова, отвернувшись к окну и мыслями снова вернулась к Игорю. Где он сейчас? Что с ним? Может, я влюбилась? Хотя... откуда мне знать — сравнить то не с чем. Книжки не в счёт, это всё выдумки. Интересно, мне показалось или я ему тоже понравилась? Хотелось бы верить, что да.

Я прикрыла глаза и вновь, будто наяву, почувствовала прикосновение его нежных рук, запах его тела и голос:

— Спокойной ночи, малыш.

Я вздрогнула.

— Что?

— Я спрашиваю, у вас не занято?

Рядом с моим столиком стоял молодой парень лет двадцати пяти и улыбался мне.

— Да я уже ухожу.

— Может, останетесь? Кофе выпьем, поболтаем, а то не

спится чего-то, не привык я к ночным путешествиям.

«Ну, уж дудки. Лучше от вас всех подальше держаться. Тем более что сердечко моё занято... хотя это ещё не точно», — подумала я, улыбнувшись.

— Вы знаете, я бы с удовольствием, но очень хочется спать, — извиняясь, пробормотала я.

Быстро попросила счёт, расплатилась и ушла к себе. Восемь часов до Питера, пролетели как одно мгновение — дорога домой, всегда короче.

Выйдя на Московском вокзале, я направилась на стоянку, чтобы забрать своё авто. Пока машина прогревалась и всю дорогу до дома, мои мысли занимал лишь вопрос: что сделать сначала — перекусить или отправиться в ванную для долгой релаксации под бокальчик вина и старый добрый джаз.

Победили, конечно же, водные процедуры. Предвкушая, в какой неге я проведу сегодняшний день, я уже парковалась у своего дома. Войдя в подъезд и поднимаясь на свой этаж, искала в сумке ключи. Их нахождение и моё прибытие к двери собственного жилища произошли одновременно. Но, подняв глаза на дверь — нетерпение как ветром сдуло. Дверь была опечатана. Ещё немного постояв в нерешительности, я позвонила в квартиру напротив.

— Лейлочка, а мы тебе обзвонились, уж не знали, что и думать, — из-за соседской двери показалась Агафья.

— Извините, я к родителям на кладбище ездила, мобиль-

ник отключала на время, чтобы никто не потревожил.

— Понимаю, понимаю. Ой, что это я? Ты проходи. Я сейчас участковому позвоню и скажу, что ты вернулась, заодно спрошу, можно ли тебе домой заходить, — продолжала бормотать моя соседка, усаживая меня за стол на своей кухне и подавая кружку с чаем и тарелку с ломтиками батона, намазанными маслом и сыром.

— Здравствуйте, Михаил Семёнович, это соседка Лейлы вам звонит. Я ещё милицию вызывала, когда дверь её открытой увидела. Ага, ага. Появилась. Да, я ведь поэтому вам и звоню. Ей домой-то заходить можно? Ага, ага. Передам. Ну, до свиданница, — Агафья положила трубку и посмотрела на меня.

— Придёт он сейчас. Недовольный такой, чегой-то. Так, ты, Лейлочка, кушай, а я тебе рассказывать буду. Или, может, тебе куру с гречей погреть?

— Бутербродов более чем достаточно, — улыбнулась я.

— Ладно. О чём я говорила-то? А... Значится так: выхожу я вчера в парадную, за булкой собиралась сходить. А тут, вижу — квартира твоя открыта. Я удивилась ещё, думаю: во вторник же собиралась приехать, чегой-то это ты раньше времени возвратилась, да ещё и дверь нараспашку оставила. Непорядок же? Заглянула, чтоб тебя, значится, позвать — а там, мама моя дорогая... Вверх тормашками всё. Я бегом к телефону и в полицию звонить. Очень уж они ехать не хотели, всё спрашивали: «А что, а кто?»»

Приехали, человек пять. Ходили, ходили. Потом Августу Аристарховну и меня, значится, позвали.

«Что пропало?» — спрашивают. Вот я только тогда и сообразила, что ты-то не знаешь. Да и позвонить я тебе в этой кутерьме как-то позабыла. Ну, вот. Я им и говорю, хозяйка в Москву отправилась, во вторник обещала быть. Они, значится, настрочили там всё, ну а мы с Августой Аристарховной всё внимательно прочитали и расписались. А то они ведь такие, чего хошь накалякают, доказывая потом, что ты не верблюд. Потом участковый прибежал, вот карточку свою оставил и просил, как явишься, чтоб перезвонила. Вот так-то вот, — и вздохнула.

Я сидела в растерянности. Кому понадобилась моя квартира? И что там воровать? Сейфа у меня нет, накопления я храню в банке. Особо ценных вещей — антиквариата или бриллиантов с изумрудами — тоже не наблюдается. Так зачем лезли? Нда... Вопросов много, а ответов ни одного.

Пока я обдумывала сказанное соседкой, раздался звонок в дверь. На пороге квартиры, стоял наш участковый. Товарищ, надо сказать, малоприятный. Если судить по его фигуре, то он был больше похож на повара — упитанный очень — чем на стража правопорядка. Форма на нём смотрелась как на корове седло — так же нелепо. Вечно с помятой физиономией и бегающими глазками. Доверия он мне не внушал.

— Ну, что гражданочка, пройдёмте, так сказать, осмотрим ваши апартаменты и протокольчик заполним там же.

Тяжело поднявшись со стула, я поплелась в свою квартиру, сопровождаемая участковым. Открыв дверь квартиры, охнула. Создавалось такое ощущение, что здесь, по меньшей мере, прошёл Мамай. Вся квартира была перевёрнута вверх дном.

— Посмотрите, что у вас пропало, и напишем протокол. А то мне уже на планёрку пора бежать, — подгонял меня сотрудник полиции.

За опохмелом тебе надо бежать, а не на планёрку, хотелось мне ответить, но вслух я сказала другое:

— Михаил Семёнович, вы в своём уме? Как я вам могу сказать, что пропало, если здесь уборки дня на два? Мне сначала всё по своим местам расставить и разложить надо, а потом уже я смогу ответить на ваши вопросы. Может, вообще ничего не пропало, а мы здесь с вами воду в ступе толчём. Приходите хотя бы вечером, я попытаюсь успеть всё пересмотреть.

Участковый скуксился и отбыл восвояси, я же засучила рукава и занялась уборкой квартиры и меня терзал только один вопрос: Кто же так постарался разрушить любовно созданное мной гнёздышко?

Когда я только переехала в Санкт-Петербург и искала себе жильё, мной было отбраковано много вариантов. То расположение не подходило, то вид из окон не устраивал. Квартиры оказывались либо слишком маленькие, либо слишком тёмные, либо безумно дорогие. Соседи тоже попадались не

фонтан.

Как-то, гуляя по набережной, я подошла к одному из домов. Он был невысоким, всего три этажа, но таким милым и каким-то даже кукольным, что я не могла оторвать от него взгляда.

Пока я стояла и любовно всматривалась в это произведение искусства, ко мне подошла милая старушка — таких в Москве не встретишь. Она больше походила на персонажа какого-то спектакля: слишком уж необычна была её манера одеваться.

На ней был бежевый костюмчик, который бы больше подошёл английской королеве, маленькая шляпка с вуалью, а в руках она держала ридикюль, более походивший на корзиночку, наполненную живыми розами.

Вся её поза была наполнена такой важностью и осознанием собственной значимости, что я невольно залюбовалась ею. Моё созерцание, казалось, нисколько не смущает эту умудрённую жизнью даму. Она улыбнулась мне и спросила:

— Красивый дом, не правда ли?

— Да, замечательный! — ответила я, нисколько не покривив душой.

— Я здесь живу уже почти пятьдесят лет! — с гордостью проговорила милая старушка.

— Вам в этом можно только позавидовать, — грустно ответила я — Мне бы тоже хотелось жить в таком доме.

— Так в чём дело? — оживилась дама — Моя соседка

сверху продаёт квартиру, причём ей это нужно сделать срочно: она перебирается к сыну в Канаду. Мебель, кстати, она готова оставить новым хозяевам. Прелестная квартирка надо сказать, и окна, кстати, выходят на Мойку.

У нас ведь весь подъезд состоит из старых жильцов и очень не хочется, чтобы какой-то нувориш сюда въехал. Очень уж они беспардонные. А получить в соседи каких-нибудь наркоманов или алкоголиков, хочется и того меньше.

Может быть, вы ищете себе жильё? Татьяна Геннадьевна готова отдать эту квартиру по нынешним меркам, практически даром. Ну, что, посмотрите? — с надеждой спросила она.

Я радостно закивала в ответ. Как потом оказалось, все слова Августы Аристарховны были чистой правдой. Татьяна Геннадьевна оказалась очень милым человеком. Ее, действительно, сильно поджимали сроки, поэтому покупку этой квартиры, можно было считать даром небес.

Всё здесь было подобрано с любовью к своему жилищу. Квартира была четырёхкомнатной, очень просторной и светлой.

Спальня в светло-песочных тонах: с шифоньером, комодом, большой двуспальной кроватью и тумбочками по обе стороны от неё. Всё было из одного гарнитура и выглядело так, как будто приобрели эту мебель только вчера.

Гостиная оформлена в стиле кантри. Мягкий свет, много оборочек из красивой ткани. Пастельные тона. Здесь при-

существовали два разномастных по дизайну, но одинаковых по обивке кресла, шикарный мягкий диван, журнальный столик, фальшь камин и сервант. Впервые войдя в эту комнату, я полюбила её всей душой.

Кабинет — со старинной мебелью, забитый сотнями книг, основные тона: белый и тёмно-коричневый. Последняя, четвёртая комната, была гостевой, выполненной в голубой гамме и обставленная примерно так же, как и спальня, только кровать была немного поменьше.

Кухня оказалась единственным местом, которое не носило печать времени. Мебель была современной со встроенной техникой. Холодильник, посудомоечная машина, стиральная машина и плита. Всё было совершенно новым.

В общем, для меня эта квартира была мечтой наяву. Мы не стали тянуть время и ударили по рукам. С быстрым оформлением жилплощади, помог давнишний друг эмигрировавшего в Канаду сына Татьяны Геннадьевны.

Со времён покупки здесь мало что изменилось: я лишь заполнила квартиру своими вещами и кое-где передвинула мебель — так, как мне нравилось. Ни разу за прошедшие несколько лет я не пожалела о своём приобретении. Всё здесь было мило моему сердцу. Каждая вещь, будь то статуэтка или торшер, стояла на своём, только ей отведённом месте. А теперь — всё вверх дном. Обидно, что какое-то ничтожество, вторгшись в мой тихий и уютный уголок рая, устроило тут настоящий погром. Я снова тяжело вздохнула.

К семи часам вечера был наведён относительный порядок. Правда, комод и шифоньер из моей спальни, придётся реставрировать — на них остались царапины от вандалов, посетивших мою квартиру. Зато старинное зеркало и буфет, остались нетронутыми, это несказанно радовало.

Целыми и невредимыми, просто, видимо со злости разбросанными, оказались и все остальные вещи. Из ущерба — две разбитые на кухне тарелки и бокал для вина.

Ну что же, в любом случае, я очень рада, что так легко отделалась. Протерев пыль и отправив всю валяющуюся одежду в корзину с грязным бельём, расставила многочисленные статуэтки и книги.

Меня очень смущало то, что в квартире вся мебель и вещи были вверх дном, а никто из соседей ничего не слышал. Это казалось невероятно странным: живущие здесь пенсионеры обычно очень наблюдательны. Надо бы поинтересоваться у Агафьи, как это так получилось, что весь подъезд одновременно оглох. Может, у нас в районе внезапно решили беруши тестировать? Как ни посмотри — ситуация абсурдная.

Подсчитав убытки — исчезнувшие серьги, тоненькое золотое колечко и двести долларов, оказалось, что я очень даже вовремя потратила имеющийся у меня всегда запас наличности — я решила, что всё обернулось очень даже неплохо.

Из-за такой мелочи заявление писать я не стану: слишком много времени будет потрачено мною в итоге, а результат, скорее всего, окажется нулевым. Поэтому с моей сторо-

ны благоразумнее будет сказать, что ничего и не пропало. В конце концов, правду буду знать только я.

За время уборки соседка заглядывала несколько раз: то предлагала свою помощь в расчистке территории, то пыталась накормить, то просто успокоить.

Агафья была из тех людей, про которых сразу понятно — без дела сидеть не умеет. Ей уже под семьдесят, а в руках всё равно всё спорится: и обед сварит, и полы намочит, и заодно тебя накормит, даже если ты отбиваешься. Родилась она в глухой таёжной деревне, где и прожила до шестнадцати лет. Оставшись сиротой — родители сгорели в доме, — даже не подозревала, что её заберут к себе дальние родственники, которых до этого девушка ни разу не видела. Молодая семейная пара врачей стала её опекунами и перевезла девушку в Ленинград.

Со временем у супругов родились сыновья-близнецы, и их воспитание во многом легло на плечи Агафьи. Дети выросли, уехали сначала в Москву, потом в Варшаву, там женились и в Петербурге почти не появлялись. Один из внуков Золотовых учился в Москве в медицинском институте и навещал стариков достаточно часто. А потом и вовсе переехал работать в Питер. Остальных я увидела лишь раз — пару лет назад.

Так Агафья и стала частью жизни супругов Золотовых. Своей семьи у неё не случилось — ни мужа, ни детей. Говор у неё остался деревенский, мягкий, с протяжными словами, но за годы в Петербурге в нём появился лёгкий городской

налёт. Слушаешь — и сразу понимаешь: человек простой, но не глупый. А главное — Агафья привыкла заботиться. Это у неё, кажется, в крови. И когда хозяева всё чаще стали жить на даче, а она оставалась одна в квартире, эта забота никуда не делась — просто теперь доставалась всем, кто попадался под руку. Чаще всего — мне. Во-первых, я ей во внучки го-жусь, а во-вторых, живём мы на одной лестничной площадке.

Два года назад четы Золотовых не стало. Сначала от инсульта скончался Александр Васильевич. А спустя сутки остановилось сердце у Марии Александровны. Похоронили их в один день.

На прощание приехали дети, внуки. Квартира на несколько дней наполнилась людьми, голосами, суетой. Всё происходило быстро, почти деловито: разговоры вполголоса, звонки, какие-то организационные вопросы. Они были вежливы, сдержанны, держались достойно. Но в их поведении не чувствовалось той боли, от которой перехватывает дыхание. Скорее — усталость, принятие. Как будто всё это было ожидаемо. Как будто так и должно было случиться. Побыли недолго. Уладили все дела и разъехались. Квартира снова опустела, будто ничего и не происходило. А для Агафьи это был конец целого мира. Она будто в одночасье осиротела снова.

Я тогда старалась не оставлять её одну: заходила каждый день, приносила продукты, просто сидела с ней на кухне,

слушала, как она вспоминает прошлое. Иногда она говорила без остановки, иногда молчала, глядя в одну точку, и тогда я просто была рядом.

Не только я. Иногда появлялся тот самый внук, что пере-ехал работать в Питер. Приезжал он нечасто — работа не позволяла, — но каждый раз оставался с Агафьей хотя бы на сутки-другие. Сидел с ней часами, слушал её новости, шутил, пытался хоть как-то отвлечь. При нём она оживала, будто снова находила за что держаться: начинала суесться, ставила чай, пекла пироги, старалась накормить повкуснее. Наверное, именно в то тяжёлое для неё время мы и сблизились по-настоящему.

С тех пор она стала относиться ко мне как к родной — то ли как к дочери, то ли как к внучке, сама, кажется, до конца не определилась. А я... я и не заметила, как начала воспринимать её как бабушку. Всю свою нерастраченную заботу и любовь она будто направила на меня... и ещё на своего «московского внука». Я, если честно, была совсем не против. Замечательная у меня бабуля... то есть соседка.

Улыбнувшись своим мыслям, вытащила из кладовой моющий пылесос и начала конечный этап уборки. Покончив с последствиями вторжения, решено было вернуться к утренним помыслам, а точнее — принятию ванны и утолению голода.

Первыми в списке значились водные процедуры. Налив полную ванну горячей воды и щедро сдобрив её душистой

пенной, я погрузилась по самый подбородок. Можно было, конечно, и с головой уйти под воду, но жабрами я пока не обладаю, а дышать организму, всё-таки необходимо.

Отмокнув и расслабившись после насыщенных не самыми приятными событиями суток, перешла к утолению голода. Заглянув в недра холодильника, я решала непростую задачу — чем бы поживиться. Так как готовить было лень, а есть хотелось очень сильно, мой выбор пал на бутерброды и чай.

Настроившись на прекрасное продолжение не самого удачного дня, я как-то позабыла о предложении участковому заглянуть вечером. Мой так и не начавшийся приём пищи был прерван звонком в дверь. Чертыхнувшись, я пошла открывать.

На пороге стоял участковый и лыбился. Нагло отодвинув меня в сторону, он прошлёпал по квартире, не снимая грязной обуви. В тот момент, когда страж порядка оказался на кухне и остановившимся взглядом пожирал мои бутерброды, а капающей слюной сдабривал пол моей недавно вымытой кухни, я уже была готова придушить его собственными руками.

— Чаёвничать собрались? — спросило это чудовище, усаживаясь за стол на моё место, — Вот и славно, я тоже с вами перекушу.

Вытерев грязные руки о форменные брюки, он схватил одной рукой бутерброд, а другой — кружку с чаем, и с на-

слаждением принялся поглощать мой ужин. От такой наглости я растерялась. В моей голове никак не могло уложиться происходящее. Доев последний бутерброд и запив его остатками чая, эта ошибка природы, смачно рыгнула, потом извинилась и наконец-то решила перейти к тому, ради чего сюда, собственно, и пришла.

Я была зла, как тысяча чертей. Позыв придушить его — прошёл, но на смену ему появилось желание убить и расчленить этого монстра в своей ванной. Отгоняя от себя подобные мысли, дабы потом не пришлось каяться за них всю оставшуюся жизнь, я села с другой стороны стола и дала понять, что к вопросам готова.

— Так-с, Лейла Леонардовна, что у вас пропало и в каком количестве? — как ни в чём не бывало, спросил участковый.

— А ничего! — ответила я, глядя в наглые глаза.

— Как ничего? — взгляд собеседника запрыгал по кухне.

— А вот так, совсем ничего. И опережая ваш следующий вопрос, сразу отвечу: я всё и очень тщательно проверила. Все вещи на месте, просто кто-то устроил в квартире кавардак.

Участковый в замешательстве почесал изрядно полысевшую голову и выдал на-гора:

— А у вас есть предположения, кто бы мог устроить в вашей квартире подобный разгром? Это же статья — вторжение в частную собственность и всё такое. Там до трёх месяцев ареста, это если без отягчающих.

Чего же ты об этой статье позабыл, когда сам в своей грязной обуви вторгся в моё жилище на свежeweымытый пол? Да и статью о грабеже ты, видимо, тоже позабыл — раз без спросу сожрал чужой ужин? Но в слух я, конечно же, произнесла другое:

— Нет, нету. Да, кстати, заявление я тоже писать не собираюсь — ничего ведь не пропало.

Он ещё посидел, почесал свою лысину и отбыл восвояси. Закрыв за ним дверь и немного подумав, я решила повторить свою попытку поужинать. На этот раз, прихватив с собой бутерброды и чай, отправилась к телевизору.

Переключая с канала на канал, и не найдя ничего интересного, я успела подкрепиться и начала зевать. Решив не медлить с отдыхом, отправилась в спальню, даже не удосужившись отнести в раковину грязную посуду.

«Всё завтра», — это были мои последние мысли, перед тем как уснуть. Проснувшись следующим утром, я не могла подняться с постели. Голова раскалывалась, нос заложило, в горле сильно першило, и было больно глотать. К тому же поднялась температура.

— Да, моя хорошая, а чего ты хотела — вот тебе и результат. Будешь знать, как на кладбище «отдыхать», — сказала я себе.

Ещё немного повздыхав и попричитав о том, какая я бедная и несчастная, отправилась искать градусник.

— Тридцать девять и два! — пробормотала я.

От одного осознания того, что температура столь велика, стало дурно. Я схватила телефонную трубку и принялась звонить Жорику.

С ним мы познакомились несколько лет назад. Он был вечно небрит, в очках в квадратной оправе, под которыми скрывались огромные карие глаза в обрамлении пушистых ресниц. Иногда казалось, что они смотрят прямо в душу, и обмануть их невозможно, как ни старайся. Его гардероб составляли какие-то растянутые свитера и потёртые джинсы. При этом Жорик был очень обаятелен и своим оптимизмом заражал окружающих. За годы знакомства с этим чудесным человеком я ни разу не видела друга в плохом расположении духа. Его не угнетали ни нищенская зарплата медицинского работника, ни плохое настроение подопечных.

Познакомились мы как раз в тот момент, когда я только въехала в квартиру напротив Золотовых и наводила порядок. Жорик же тогда, закончив институт и пройдя интернатуру в Москве, вернулся в Питер и на первое время остановился у бабушки с дедушкой — Марии Александровны и Александра Васильевича, моих соседей, ныне покойных.

Он вообще часто у них бывал — то заедет «на чай», то задержится на пару дней. В их квартире он чувствовал себя как дома, да и относились к нему там не как к гостю, а как к своему. После их смерти Жорик всё равно не перестал появляться здесь. Только теперь уже приезжал к Агафье — словно по привычке, как будто ничего и не изменилось.

Он как-то, смеясь, сказал, что у него, оказывается, две бабушки: одна — просто бабушка, а вторая — любимая. И, если честно, глядя на то, как он к ней относится, сомнений не оставалось — любимой бабушкой у него была именно Агафья.

В тот период моей жизни мне довелось переболеть гриппом с осложнениями, и Георгий — таково его имя по паспорту — вместе с Агафьей меня выхаживали. Агафья, к слову, всё надеялась нас поженить, но этого не произошло — зато мы с Жоркой стали хорошими друзьями. После того случая своё здоровье я доверяю исключительно ему. Наконец друг взял трубку.

— Что на этот раз, прекрасная Маркиза? — вместо приветствия, спросил он.

— Почему сразу нужен повод, чтобы тебе позвонить? — попыталась я, увильнуть от прямого ответа.

— Так, судя по скрежету твоего голоса, ты простудилась. Какая температура? — деловито поинтересовался мой Айболит.

— Тридцать девять и два, — обречённо прохрипела я.

— Почему скорую не вызвала, дурища? — заорал он в трубку.

— Ну, Жорик, ну миленький, ты же знаешь, я не хочу в больницу и уколов боюсь, — начала я хныкать.

— Значит так, что есть из жаропонижающих? — спросил он, что-то, видимо, попутно делая, потому что дышал при

этом так, как будто только что пробежал стометровку.

— Панадол подойдёт? Ты, кстати, чем там занимаешься? А то дышишь, как будто я в самый неподходящий момент позвонила, — хихикнула я.

— Ну и шуточки у тебя, Лейла! Чтоб голову себе не ломала, разъясняю: дышу так, потому что одновременно пытаюсь несколько дел сделать. А конкретнее — одеться, почистить зубы, найти ключи и документы от машины и ещё позавтракать!

— Только очень тебя прошу — не лихачь на дороге, я же не помираю...

— Ты уверена в этом? Я вот нет! Значит так — Панадол подойдёт, выпивай таблетку и ложись в постель, я сейчас к тебе бабушку пришлю с укусными компрессами, а сам уже выезжаю. Слышь, дурища? Не забудь дверь открыть, перед тем как в кровать завалиться, а то старушка спасателей вызовет — подумает ещё, что ты лапы склеить успела до её прихода, — хохотнул он, — Всё, жди.

Жорка бросил трубку. А я взяла из аптечки таблетку Панадола, и выпив, уже собиралась пойти лечь, но вовремя вспомнила про входную дверь.

Агафья пришла минут через пять, с ахами и причитаниями, начала растирать меня кислой водицей. Под её тихие разговоры ни о чём я провалилась в сон. Проснувшись от того, что кто-то меня беспардонно ворочал с бока на бок. Уже было собралась высказать своё возмущение, но, открыв глаза,

увидела Жорика. Он пытался меня прослушать, но ему это, видимо, не удавалось.

— А проснулась, больная? — ухмыльнувшись, спросил он. И тут же развернувшись в другую сторону, произнёс, — Бабуль, свари этой малахольной куриного бульончика.

— Гошенька, ну зачем же ты так? Лейла же не виновата, что приболела, — обидевшись за меня, выговаривала соседка.

— Ага, не виновата. Небось, в Москву в лёгкой куртке ездила — вот и привет, — насупившись, как маленький ребёнок проговорил мой лекарь.

— Было дело, — не стала я врать.

— Хорошо, хоть тебя здесь не было, когда посреди ночи весь дом решили эвакуировать, а то небось бы голышом выбежала, — заливисто захохотал своей шутке друг.

— Постой, а когда это произошло, раз меня не было? — спросила я, а сама пыталась вспомнить нечто важное, но не понимала, что именно.

— Ну так пару дней назад, когда ты в Москву умотала. Я старушку приехал проведать и, объевшись её пирогами, решил, что в единственный за несколько недель полноценный выходной можно и в родных пенатах отоспаться. И тут, по закону подлости, видимо, какой-то шутник среди ночи в полицию позвонил и сообщил о нескольких мешках тротила в подвале. Прикинь?

— А зачем? — удивилась я, так как понимала, что ничего

в этой жизни не делается просто так. Даже шутки, казалось бы, имеют свою цель.

— Ну так в том-то и вопрос! Людей на улицу согнали, они три часа на морозе простояли, а когда в свои квартиры вернулись, выяснилось, что их обокрали.

— Всех? — опешила я.

— Нет, не всех. В нашем подъезде только тебе досталось, — хохотнул Жорик. — И то, выяснилось это на следующий день. Но бабуля сказала, что у тебя вроде ничего не пропало или ты просто с ментами возиться не захотела?

— Не захотела, — подтвердила я. — Да и пропало по сути немного: колечко, цепочка и денег по-мелочи.

— Значит тебе повезло. Потому что в первых двух подъездах вынесли всё ценное.

— Но как так, если здесь полиция была? Они что у всех под носом орудовали?

— Полиция была на улице, не подпускала людей близко. Сапёры полезли в подвал. Там действительно мешки обнаружались, но пока выяснили что к чему...

— Ну так как они, в смысле воры, это смогли провернуть? — недоумевала я.

— А всё до глупого просто оказалось. Когда объявили эвакуацию жильцов, те выбегали на улицу, прихватив документы и тёплые вещи. Свои квартиры при этом, никто закрыть не потрудился — это раз. Между подъездами умные домовладельцы перемещались через чердак — это два. Ушли они по

пожарной лестнице, которая находится за нашим подъездом, сзади дома — это, три. Твоя квартира в этом смысле оказалась для них на закуску. Ну и как только сапёры поняли, что к чему, и стали выходить на улицу, воришки слиняли. Значит, у них снаружи был свой человек, который оповещал, что к чему — это, четыре, — закончил друг.

Я же лежала и думала о том, почему мою квартиру так раскурочили. То ли со злости — потому что ценного в ней оказалось мало, а покидать место преступления требовалось как можно быстрее, — то ли от радости, что они такие умельцы и всех обманули. Наверное существовал и третий вариант, но он был мне неизвестен.

— Теперь понятно, почему никто не услышал, как в моей квартире всё крушили...

— Ага, умные воришки нынче пошли, — хмыкнул Жорик. — Так, лежи смирно, буду тебя слушать, а то заболтались мы. Температуру я померил, она немного спала, но это временно. Мерить будешь три раза в день, если повысится — пей жаропонижающее. А вообще, бабуля за тобой присмотрит. Да, ба?

— Да, Гошенька. Чегой-то это я тут стою? Побежала я бульончик, что ли сварю, — ответила старушка, и поспешила в свою квартиру.

— Так, возвращаемся к нашим баранам — точнее к одной особи из их семейства, — ёрничал друг. — Хрипы есть, но не серьёзные. Думаю, через несколько деньков, будешь

огурцом. Но! Просто на всякий случай: если вдруг хрипы не пройдут, отправлю тебя на снимок. А теперь повествуй, до-рогуша, во что ты вляпалась. Про куртку это я для бабушки сказал, чтобы она не волновалась. А теперь ты мне выкладывай, как на духу, что на самом деле приключилось. Внимаю.

— Ну, вообще-то я действительно в лёгкой куртке в Москву поехала, но это ещё не всё... я на кладбище сознание потеряла. А сколько пролежала — не знаю, — покаялась я.

— Так, с этого момента поподробнее, что же заставило тебя, девушку не робкого десятка, на кладбище в обморок бухнуться? Никак компашка мертвяков там гуляла или с вампирчиком успела познакомиться? — начал издеваться Жорик.

— Не совсем так, конечно... но близко к тому, — согласилась я.

— Нда... Это уже интересно. Видимо я что-то напутал с температурой. Да и врач тут, похоже, нужен другой — более компетентный в хитросплетениях твоих мозговых извилин, чтобы умственную деятельность твою в порядок привёл, — пристально меня разглядывая, проговорил друг.

— Жор, я серьёзно! — обиделась я. И не откладывая в дальний ящик, рассказала о минувших событиях, умолчав только о том, как мне понравился Игорь и о возникших в моей голове пошлых мыслях.

Во время всего рассказа друг смотрел на меня, как на душевнобольную, что, если честно, немного обижало. А к кон-

цу и вовсе схватился за голову.

— Дорогая моя Лейлочка, ты явно не в себе. Как ещё объяснить твою слезку, за незнакомым мужиком?

— Да я и сама понимаю, что это выглядит странно, но получилось как-то само собой. Из серии: сначала сделала — потом подумала, — грустно ответила я.

— И что ты теперь собираешься делать? — заинтересованно спросил Жорик.

— Сама не знаю. Наверное, попытаюсь забыть, как страшный сон, — неуверенно промямлила я.

— Точно?

— По крайней мере, сейчас я однозначно не в состоянии что-то делать.

Я отвела взгляд, стараясь не встречаться с ним глазами. Почему-то мне казалось, что стоит Жорику посмотреть чуть внимательнее — и он сразу поймёт, что никакого «забыть» не будет.

Мой любезный друг посверлил меня взглядом и со словами:

— Пора бежать на работу, — покинул мою квартиру, дал зарок вернуться к этому разговору после моего полного выздоровления.

Через час пришла Агафья. Напоив меня куриным бульоном и закутав в кокон, пообещала явиться к вечеру.

Три дня я практически не вставала с постели. Заботливая соседка меня поила и кормила, ела я слабо, всё больше пила,

мерила температуру и пичкала таблетками.

Время от времени появлялся мой друг Айболит и, надавав любимой бабуле указаний, убегал на работу. Я же всё это время находилась где-то между сном и явью: то просыпалась, то почти сразу проваливалась в забытьё.

На четвёртый день я проснулась абсолютно здоровой — чувствовала себя прекрасно, хотелось петь и плясать. Но вот Агафья никак не хотела поверить в моё выздоровление, а может, ей просто необходимо было о ком-то заботиться. Она не выпускала меня из квартиры, ссылаясь на то, что мне прописан постельный режим. Мечта, а не бабушка.

Дождавшись, пока она уедет с Августой Аристарховной в театр, о чём она предупредила ещё вчера, я, тепло одевшись и прихватив ключи от машины, улизнула из дому.

Подходя к машине, вдруг увидела, как что-то маленькое и тёмное метнулось за колесо. Испугавшись, что это может быть крыса, принялась искать палку.

Не так давно слышала одну историю, от механика, к которому гоняю на ТО своё авто: крыса, забравшись в машину, перегрызла там все провода и хозяева транспортного средства, благодаря этому монстру, попали на весьма кругленькую сумму — пришлось менять всю электрику.

Дабы предотвратить подобную ситуацию в отношении моей Дюшечки, как я ласково называла свою Ауди, я и пыталась найти подручное средство, чтобы выдворить нахалку из-под днища авто. Мне повезло. Подобрал длинную сучко-

ватую палку, я подошла к машине и попыталась пошерудить за колесом. В ответ на мои действия, оттуда раздалось жалобное повизгивание.

Нахмурившись, я присела и заглянула под свой автомобиль. Каково же было моё изумление, когда вместо крысы там обнаружился крохотный комок чёрной шерсти. Он едва заметно шевелился, прижимаясь к холодному асфальту, словно пытался спрятаться в нём от мороза. Я осторожно протянула руку и вытащила его наружу.

Щенок оказался совсем крошечным. Он так замёрз, что дрожал всем тельцем, до самых лапок. Комок тихо поскуливал, почти беззвучно, будто уже не хватало сил даже на это. Я машинально прижала его к себе, чувствуя, как под пальцами бьётся крошечное сердечко — быстро-быстро.

— Ну и откуда ты тут взялся? — тихо спросила я.

Открыв машину, аккуратно уложила его на переднее пассажирское сиденье, сама же устроилась за рулём и включила двигатель — пусть прогревается.

— Ну, что Лейла, — пробормотала я себе под нос, — ты ведь в детстве всегда мечтала о щенке, вот твоё желание и исполнилось. Правда, ты давно уже не ребёнок... но это дела не меняет.

Я улыбнулась. Первой мыслью, пришедшей мне в голову, было: где купить всё необходимое для этого чуда и где найти ветеринара. Но вопросы решились достаточно легко. Не успела я проехать и нескольких кварталов от дома, как уви-

дела вывеску зоомагазина. Припарковав машину и подхватив своего питомца на руки, я направилась внутрь.

Я оказалась не единственной покупательницей. Одна из клиенток, увидев моего пса, сморщила носик и выдала:

— Фу, зачем вам дворняга?

Сама она держала под мышкой чихуахуа в розовой одежке. Я непроизвольно крепче прижала щенка к себе.

— Ну, по крайней мере, дворняги хорошие... А вот про вашу любимицу такого сказать не могу. Размером меньше ко-та, а агрессии и высокомерия — на десятерых хватит. Говорят, что питомцы похожи на своих хозяев? — не осталась я в долгу.

— Моя Сиси — божье создание с милейшим характером! — визгливо возмутилась дамочка.

Её собачонка, словно почувствовав негодование хозяйки, принялась заливисто лаять.

— Правда? Вероятно, сам Господь об этом не в курсе, — ухмыльнулась я и перестала обращать внимание на эту парочку, полностью сосредоточившись на сотруднице магазина.

Продавщица улыбнулась мне и предложила свою помощь в подборе необходимых вещичек для моего малыша. Заодно дала телефон ветеринара, сказав, что за небольшую доплату он выезжает на дом — осмотрит и сделает прививки.

Кстати, щенок оказался мальчиком, поэтому я без колебаний решила назвать его Игоряшей. Ну и что, что имя это

человеческое? А кто сказал, что мой красавчик, хуже человека? Для меня, наоборот, куда лучше многих.

Не зря же есть такое выражение: «Чем больше узнаю людей, тем больше люблю собак». Так что, дружок, быть тебе Игоряшей. К тому же, глядя на чёрную шерсть моего малышки, ничего другого в голову просто не приходило.

Обвешенная покупками для нового жильца моей квартиры и держа этого самого жильца под мышкой, я направилась к машине. По дороге позвонила ветеринару, ввела его в курс дела, назвала домашний адрес и попросила заехать завтра в течение дня. Мне пообещали, что завтра нас непременно навестят и осмотрят.

До дома мы добрались вполне благополучно, да и моё отсутствие в квартире прошло незамеченным. Я распаковала вещишки Игоряши: его ложе устроила в гостиной, а миски — на кухне. Насыпала корм для щенков, налила воды и расстелила повсюду пелёнки, чтоб ему было куда при необходимости справить нужду. Разобравшись с делами подопечного я отправилась в ванную. Как-никак, пятый день не мыться, это уже перебор.

Едва выключив воду и собираясь вытираться, я услышала в коридоре странный шум. Наскоро накинув халат, выбежала посмотреть, что же случилось.

В углу, среди кучи разбросанной обуви и всевозможных средств для её чистки, сидел мой малыш, уткнувшись носом в замшевый ботинок. Глаза у него были одновременно удив-

лённые и виноватые. Такое ощущение, что если бы он мог говорить, то непременно выдал бы что-то из серии: «Хозяйка, правда, я сам удивлён. Не знаю, как такое вообще могло произойти. Вот те крест».

Глядя на его трогательную мордашку, я рассмеялась. Как хорошо, что я нашла это маленькое, непоседливое чудо. Подхватив его на руки, отправилась спать, решив, что погром уберу завтра после прогулки с питомцем.

Утром я проснулась от того, что в квартире что-то рушилось. Приподнявшись на постели, посмотрела на правую подушку — Игоряши на месте не было. Он, видимо, тоже проснулся от этого шума и спрыгнув с кровати, стоял у выхода из комнаты вопросительно глядя на меня. Заинтригованная, я поспешила на звук. Щенок поплёлся следом. И тут меня ждала та же картина, что и вчера: в углу у двери, среди разбросанной обуви и всяких мелочей сидела Агафья. Посмотрев в её глаза, я увидела удивление и растерянность одновременно, только на этот раз, взгляд был дополнен словами:

— Лейлочка, деточка, прости... Не знаю, как такое случилось. Я чегой-то в темноте споткнулась — и вот.

Я улыбнулась в ответ на её слова и помогла старушке подняться.

— Пришла тебя проведать, вчера же мы с Августой Аристарховной, значит, в театре были... Вот я и переживала, как ты тут. А оно вона как произошло... сама не поняла, —

лепетала соседка.

— Не беспокойтесь, это не вы, это щенок вчера бардак устроил, я хотела с ним погулять, а потом уже убраться.

— Щенок? Чегой-то я не пойму, какой ещё щенок?

И тут она увидела маленького разбойника. Агафья заулыбалась и протянула к нему руки. Наверное, собаки всё правильно чувствуют, потому что этот маленький негодник тут же подошёл, виляя хвостом, и начал лизать ей руки. Она улыбалась и гладила его по мягкой шёрстке, приговаривая, какой он хороший да пригожий. В её глазах было столько неподдельной радости, что я в который раз похвалила себя за находку.

— Господи, деточка, где ты взяла это чудо? – спросила, поглаживая щенка старушка.

— На улице нашла, — просто ответила я.

— Какая же ты умница, что такого красавца домой принесла. Значится так: если нужно будет, я тоже могу с ним гулять, — искренне восхищаясь маленьким бандитом, сказала соседка.

— Спасибо. Вы ему тоже, видимо, очень приглянулись, потому что руки облизать он решил только вам, — улыбнулась я.

Посадив щенка на руки Агафье, я позвала её на кухню пить чай. Пока она, умиляясь, гладила Игоряшу и что-то ему приговаривала, я открыла шкафчик и достала свой небольшой «стратегический запас» — упаковку с песочным пече-

ньем из кондитерской «Север». Я всегда брала его «на всякий случай», а такие случаи, как показывает практика, случались регулярно.

Разложив на столе пару аккуратных фарфоровых чашек с тонким золотистым ободком, поставила чайник и открыла коробку. Сладкий, чуть ванильный аромат тут же расплылся по кухне. Печенье было рассыпчатое, с лёгкой хрустящей корочкой и мягкой серединкой.

— Ой, это же те самые? — оживилась старушка, подняв на меня глаза.

— Они самые, — улыбнулась я.

— Ну тогда грех отказываться, — довольно проговорила она, устраиваясь поудобнее.

Я разлила горячий чай, и мы устроились за столом: соседка с разбойником на коленях, я — напротив, наблюдая, как этот маленький чёрный комочек уже чувствует себя хозяином положения. Кухня наполнилась теплом, запахом чая и тихим домашним счастьем.

Отчаёвничав, мы решили прогуляться со щенком. Пока Агафья ходила наряжаться, я оделась сама, надела поводок на Игоряшу и нацепила на него комбинезончик, купленный вчера в магазине, чтобы ему было теплее. Квартиры мы с соседкой закрывали одновременно.

Выйдя на улицу, я передала поводок старушке, а сама взяла её под руку — было основательно скользко. Мы шли по заснеженной набережной в сторону Фонтанки. Оттуда свер-

нули на Садовую и зашли в Михайловский сад.

Вообще-то с собаками сюда, наверное, нельзя, но Игоряша все свои дела сделал ещё по дороге, так что за осквернение сего памятника архитектуры можно было не переживать. К тому же у меня с собой были пакетики и лопатка, для уборки отходов жизнедеятельности моего питомца.

Мы шли аллеей в сторону Михайловского дворца. Дойдя до пруда, мы остановились. Вода замёрзла и укрылась пушистым снежным одеялом. Мы стояли и любовались этой красотой.

— Лейлочка, я тебе говорила, что Гошенька мне путёвку в санаторий купил? — первой нарушила молчание Агафья.

— Нет, не говорили. А что за санаторий, где находится? — с любопытством поинтересовалась я.

— Санаторий называется «Северная Ривьера», там и питание трёхразовое, и лечение. Гошенька говорит, у него там друг врачом работает, значит, он меня посмотрит и сам процедуры назначит. Только боязно мне чегой-то. Стара я стала, из дома силком не вытащишь.

— Ну что вы, поезжайте обязательно. Это же прекрасно — и отдохнёте, и подлечитесь.

— Так-то оно так, да только дома всё ж сподручней, — вздохнула старушка.

— А когда отъезд?

— Так завтра уже. Вот и думаю: ехать иль нет? Три недели — шутка ли.

— Даже не думайте. Жорик обидится.

— Что, правда то, правда... Только поэтому и поеду. Он же старался, а я что ж это, бабка неблагодарная?

— Да нет, дело-то в другом — он просто хочет, чтоб вы здоровье поправили.

— Было бы что поправлять, — рассмеялась соседка.

За разговорами мы и не заметили, как прогуляли три часа подряд. Уже подходили к подъезду, когда увидели мчащегося к нам Жорика.

— Гошенька, посмотри, какой славный пёс! — сказала старушка, когда он подбежал.

— Хорош красавец! Особенно в такой моднявой одежке! Я смотрю, вы тут прекрасно проводите время? — то ли поинтересовался, то ли прокомментировал мой личный Айболит.

— Да, Гошенька, замечательно погуляли. Я сегодня утром пирог с вишней испекла, пойдёте чай пить, заодно и согремся.

Кто же откажется от такой перспективы? Мы с Жориком дружно закивали. Я пообещала зайти, как только приведу в порядок своего разбойника.

Раздев и вымыв лапы щенку, быстро навела порядок в коридоре — чтоб не дай бог ещё кто-нибудь не упал — и отправилась к соседке, есть пирог с чаем. Время за чаепитием и разговорами пролетело незаметно. Опомнились мы, когда на мой мобильный поступил звонок от ветврача — она

сообщила, что уже подъехала. Сославшись на обязательную прививку и осмотр питомца, я отправилась домой, оставив бабушку и внука наедине.

— Вы ко мне? — спросила я совсем ещё молоденькую девушку, стоящую у двери моей квартиры.

— Если Вы Лейла, то да. Я Виктория, — представилась она.

— Проходите, сейчас тапочки дам.

— Не нужно, у меня бахилы есть. Где наш пациент? — проговорила ветеринар, подавая мне свою куртку и одновременно натягивая резиновые перчатки.

— Давайте, наверное, в гостиную пройдем, там будет удобней. А пса я сейчас принесу, он, видимо, в спальне.

Я пошла искать своего питомца, а ветврач отправилась в гостиную.

— Насколько я понимаю, точного возраста щенка вы не знаете? — то ли спросила, то ли констатировала девушка, взяв Игоряшу на руки и ощупывая его.

— Верно. Я его только вчера нашла.

— Тогда делаем стандартный набор: прививка от бешенства — в обязательном порядке, чистка ушей, обработка от блох, клещей, дегельминтизация. Вроде бы всё. Приступаем?

— Да, конечно. Вы только скажите, что мне делать нужно.

— Вам желательно пойти на кухню, попить чаю и успокоиться. Лейла, вы чего так трясётесь, будто я сейчас вас пре-

парировать буду? Нервничать не стоит — животное всё чувствует. Как закончу, позову.

Как ни странно, сам пациент в этот момент вёл себя совершенно спокойно. Чтобы не сойти с ума от переживаний, я действительно отправилась на кухню. В конце концов, она врач — ей виднее. Когда всё было сделано, я расплатилась с ветеринаром и начала собирать щенка на прогулку.

С Игоряшкой мы гуляли до темноты. Домой пришли уставшие, но довольные. Я привела его в порядок после прогулки и мы отправились спать — на мою кровать разумеется.

...

Я лежала на постели в номере какой-то гостиницы. Сна не было. Было странное, тёплое ощущение — будто всё правильно. Спокойно. И почему-то хорошо.

Я повернулась на бок. Игорь спал рядом. Совсем близко. Так, что я чувствовала исходящее от него тепло. Ровное, живое. Он был всё такой же... Только не как в кино — настоящий.

Я поймала себя на том, что просто смотрю на него. Долго. Как будто пытаюсь запомнить — лицо, дыхание, этот момент. Он чуть шевельнулся во сне, и я замерла. Глупо, конечно... но почему-то не хотелось, чтобы он проснулся. И в то же время — хотелось.

Осторожно провела ладонью по его плечу. Он перехватил мою руку почти сразу — будто не спал вовсе — притянул

к себе.

— Не спится?.. — пробормотал куда-то в волосы.

И всё. Никаких киношных атрибутов: свечей, лепестков роз или шампанского.

Только его дыхание у шеи, от которого по коже пробежали мурашки. И это странное, почти пугающее ощущение, что ты уже ничего не контролируешь.

Я даже не поняла, в какой момент он начал меня целовать. Сначала просто было тепло... потом ближе... потом уже невозможно отстраниться. И в голове — пусто. Со всем.

Только короткими вспышками: «не сейчас...» «подожди...» «не останавливайся...» Я тихо выдохнула, уткнувшись ему в плечо, чувствуя, как сбивается дыхание.

Он усмехнулся — еле заметно, почти лениво — будто всё понял без слов. И от этого стало ещё хуже. И лучше.

...и вдруг мне на секунду показалось, что в комнате стало холоднее. Совсем чуть-чуть. Как будто кто-то открыл дверь. Я даже хотела обернуться — но не смогла.

И в следующий момент под моим боком кто-то жалобно заскулил.

Я резко вздрогнула и закричала.

...

Я сидела на постели, тяжело дыша, с гулко колотящимся сердцем. Внизу живота сладко ныло. Обведя комнату глазами, поняла — я дома. Сон, это был всего лишь сон. Но ка-

кой... А вот скулёж, был самым настоящим. Видимо ворочаясь во сне, немножко прищемила своего любимца — вот он и возмущался. Погладив Игоряшу маленького, я нагнулась и чмокнула его в нос.

— Ой, прости карапуз, — извиняясь, за причинённое неудобство.

Щенок тут же успокоился, лизнув меня в щёку и улёгся рядом. Мы устроились поудобнее и снова уснули.

Проснувшись утром и погуляв со своим маленьким разбойником около полутора часов, я вдруг поймала себя на мысли, что пора что-то менять. Что именно — пока не знала. Но самое простое — начать с внешности.

— Вот этим сегодня и займусь, — воодушевлённо проговорила я, внутренне готовя себя к трансформации.

Позавтракав на скорую руку, быстро одевшись и приведя себя в порядок, я отправилась в сторону Невского. Пару недель назад заметила там один шикарный салон красоты — и, кажется, пришло время им воспользоваться.

Ни разу в жизни я не красила волосы. От природы они были русыми, длинными — почти до поясницы — и такими густыми, что их сушка превращалась в настоящее испытание. Перед сном всегда заплетала их в косу, иначе рисковала проснуться с утра в состоянии бродячей собаки — вся в колтунах.

Вообще, я никогда не экспериментировала ни с внешностью, ни с фигурой. Да и зачем? Фигура у меня почти мо-

дельная... если не считать одного «но». Грудь подкачала — в прямом смысле. Полный третий размер, который я бы без раздумий променяла на аккуратный второй. Спина от такой «радости» уставала, да и выглядело это на моей хрупкой фигуре, на мой взгляд, слишком... тяжеловато. Но сейчас мне до безумия хотелось стать другой.

Мне повезло — один из мастеров оказался свободен.

— Антон, — представила его администратор.

Он внимательно оглядел меня с ног до головы — не нагло, а скорее профессионально, как будто мысленно примерял на меня разные образы.

— Что будем делать? — поинтересовался мастер.

— Хочу кардинально поменять внешность, — ответила я, сама немного удивившись тому, как уверенно это прозвучало.

Антон ещё раз внимательно меня осмотрел, чуть прищурившись, будто что-то уже решил для себя.

— Тогда вопрос, — спокойно сказал он. — Вы готовы вместе с внешностью сменить и гардероб? Потому что то, что я вижу... — парень кивнул на мои джинсы и ботинки на шнуровке, — с тем, что я хочу сделать, сочетаться не будет.

— Наверное, готова, — задумчиво ответила я. — По крайней мере, с материальной точки зрения этот вопрос решаем.

— Финансы — всегда и всё упирается в финансы... А раз это они у вас имеются, то проблема решена, — азартно про-

изнёс Антон.

— Только вот в отношении гардероба... надеюсь, вы дадите мне пару советов, — застенчиво улыбнулась я.

— С удовольствием! Мне уже нравится с вами работать! — воодушевлённо проговорил мастер.

Дальнейшие несколько часов меня передавали из рук в руки. Кто-то выщипывал, потом красил мне брови и ресницы. Кто-то колол в губы какую-то дрянь. Меня стригли, мыли, сушили, укладывали... К концу всего этого действия мне начало казаться, что я схожу с ума. Но когда меня наконец развернули к зеркалу — я замерла.

— Ну как, нравится? — спросил Антон, заглядывая мне в глаза. — Не пугайтесь, если к вечеру губы немного отекут. Через пару дней всё пройдёт, и будет вообще идеально. Ну так что?

Я не знала, что ответить. Да и, сказать по правде, говорить пока не могла. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Шикарная брюнетка. Волосы, почти чёрные, отливали холодной синевой и подчёркивали мои голубые глаза. Губы стали полнее, но выглядели не вызывающе, а... правильно. Гармонично. Тонкие, чёткие брови и густые ресницы довершали образ. Я не верила, что это — я. Хотя удивить меня — то ещё испытание.

— Это я?.. — тихо спросила я, встречаясь с мастером взглядом в зеркале.

Он довольно рассмеялся — видно было, как спало напря-

жение, которое держало его всё это время, пока я молча разглядывала своё отражение.

— Если вы ещё и гардероб смените на более женственный, — с лёгкой усмешкой сказал он, — гарантирую, мужики перед вами будут штабелями складываться.

— Меня, кстати, Лейла зовут... это значит «ночь», — тихо добавила я.

— Вау... — Антон даже присвистнул. — Тогда вообще идеально. Под этот образ другое имя и не подберёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.